

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ТЕОЛОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ XX – XXI СТ.

А. Д. Емельяненко

Донбасский государственный педагогический университет

Славянск, Украина

E-Mail: Kerol-anna@bigmir.net

К 2016 году в отечественной религиоведческой литературе не было единого комплексного исследования феномена экзистенциальной теологии как системной теологической концепции, основанной на специфической философии религии. «В целом роль и значение процессов экзистенциализации теологии в том числе и теологии христианской, сегодня в отечественном религиоведении остаются мало исследованными, – утверждал в этой связи С. Л. Шевченко. – Начиная с С. Кьеркегора, идеи которого имели значительное влияние на взгляды Г. Марселя и К. Ясперса, М. Хайдеггера и М. Бубера, Н. Бердяева и Л. Шестова, опыт диалектической теологии К. Барта, Ф. Гогартена, Р. Бультмана, Э. Бруннера, Э. Турнейзена, Г. Тилике, экзистенциально-протестантской неоортодоксии братьев Рейнгольда и Ричарда Нибура, Й. Громадки, «новой теологии» Д. Бонхеффера и Дж. Робинсона, экзистенциального неотомизма К. Ранера, Ж. Маритена, Е. Жильсона, христологии Дж. Маккуорри, систематической теологии П. Тиллиха, и заканчивая Г. Слейтом и М. Вестфалем, экзистенциальная эсхатология и экзистенциальная феноменология религии которые и в наше время формируют методологические основы теологического мышления» [5, с. 64]. Такого исследования не было и в зарубежных религиоведческих практиках. В 2016 году была издана монография С. Л. Шевченко «Христианская теология и экзистенциализм», которая коренным образом изменила эту ситуацию. В одно из разделов этой книги, который был напечатан под названием «Модернизация православия Николаем Бердяевым и проблема толкования экзистенциальной природы духовного», главной целью было исследование предпосылок становления и развития экзистенциальной теологии как парадигмального антипода постмодернистской теологии, анализ значимости влияния идей Н. Бердяева и представителей экзистенциализма на формирование постэкзистенциалистского мышления (которое превратилось и в неотъемлемый элемент современной теологии) и освещение взглядов философов XXI века на процесс экзистенциального толкования религии.

Н. Бердяев охарактеризовал свой идейный и «теоретический» путь в итоговой работе «Самопознание», обработка которой и позволяет в конечном счете «поставить все точки над «и» в процессе определения содержания и смысла главных «концептуальных положений» философско-религиозного учения мыслителя. «Меня называют философом свободы, – писал Н. Бердяев в «Самопознании». – Какой-то черносотенный иерарх сказал мне, что я «пленник свободы». И я действительно больше всего полюбил свободу. Я вышел из свободы, она моя мать. Свобода для меня первичнее за бытие. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основу философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ» [1, с. 25]. Сам путь и его мотивация к этому акту скрывались прежде всего в особенностях процесса интеллектуального и психологического становления личности мыслителя. «Всю свою жизнь я был бунтарем. Был им и тогда, когда делал максимальные усилия чтобы примириться, – вспоминал Н. Бердяев. – Я был бунтарем не только в соответствии с направления моего мнения в тот или иной период моей жизни, но по своей самости, я очень склонен к восстанию. Несправедливость, насилие над достоинством и свободой человека вызывает во мне гневный протест. В ранней юности мне даже подарили книгу с надписью «дорогому протесташи» [1, с. 29].

Как вспоминал Н. Бердяев, в разные периоды своей жизни, он много критиковал разного рода идеи и мысли. Но на самом деле всегда сочувствовал всем большим бунтам и бунтарям в истории – бунту Лютера, бунту ума образования против авторитета, бунту «природы» в Руссо, бунту французской революции, бунту идеализма против власти объекта, бунту Маркса против капитализма, бунту Белинского против мирового духа и мировой гармонии, анархическому бунту Бакунина, бунту Л. Толстого против истории и цивилизации, бунту Ницше против разума и морали, бунту Ибсена против общества, и христианство он также «понял как бунт против мира и его закона» [1, с. 29].

Психологическая, психоэмоциональная и интеллектуальная настройка (которая, кстати, впоследствии, и не без влияния идей Н. Бердяева, была высечена и в известной экзистенциалистской «философии бунта» Альбером Камю), сформировала бердяевское стремление к свободе, и роль последней в его мировоззрении, мироощущении и миропонимании, по нашему мнению, существенно повлияло на решение мыслителя сделать свободу краеугольным камнем своей философско-религиозной концепции. «У меня есть главное убеждение, – писал Н. Бердяев, – что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу ... В свободе скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира, Свобода в начале и свобода в конце. По сути, я всю жизнь пишу философию свободы, пытаюсь ее усовершенствовать и дополнить» [1, с. 25]. Таким образом, первичность и очевидность экзистенциального (психоэмоционального) корня в философско-религиозном мышлении и формировании учения Н. Бердяева, который в течении всего периода его деятельности никоим образом не был ни «омрачен», ни изменен логикой и логическим мышлением.

Учитывая отрицание необходимости приоритета логического мышления в познании и теоретической систематизации философского знания, учитывая свое отношение к «академической» философии, Н. Бердяев, используя терминологию Ф. Ницше называл себя «разбойником» в философии, и определял свое мышление не как логическое, а как мышление интуитивное, синтетическое. «Я много раз пытался понять и осмыслить процесс своего мышления и познания, хотя я не принадлежу к людям рефлексии над собой. Я всегда осознавал слабые стороны своего мышления. У меня небольшая способность к анализу и к дискурсивному развитию своего мнения, – утверждал Н. Бердяев. – Мысль моя протекала не как отвлечение от конкретного и не подчинялась законам дискурса. Я стремился не к достижению общего по своему значению, а к погружению в конкретное, к узриния в нем смысла и универсальности. Это значит, что мысль моя интуитивная и синтетическая. Я в частном и конкретном видел универсальное. Я это делал и в повседневной жизни. Для меня, по сути, не существует отдельных вопросов в философском познании. Есть только один вопрос и одна сфера познания. Во всем детальном, частном, отдельном я вижу целое, весь смысл мироздания. За разговором или спором по какому-либо вопросу я склонен видеть решение судеб вселенной и моей собственной судьбы» [1, с. 45].

Н. Бердяев отрицал целесообразность абстрагирования как необходимого элемента в своем мышлении, направляясь при этом к «погружению», а не к анализу конкретного, пренебрегая обобщением в пользу «синтеза». К тому же Н. Бердяев утверждал, что он не верит даже в феноменологический метод, который, по его мнению, «может быть плодотворным в психологии, может помочь только познанию метафизическому и метаисторическому», а верит только в экзистенциально-антропоцентрическое и духовно религиозный метод. Возлагая экзистенциальное (психоэмоциональное и психологическое) не только в основу познания, но и превращая его в главный элемент и условие этого процесса, Н. Бердяев, конечно, в определенном смысле шел вопреки истории развития европейской философии, со всей силой возвращая в себе элементы научного подхода к пониманию мира. Поэтому понятно и утверждение мыслителя о том, что его философия является философией не научной, а профетической и эсхатологической за ее направлением. «После всех испытаний, всех странствий по пустыням абстрактного мышления и рационального опыта, после тяжелой полицейской службы», – провозгласил Н. Бердяев, –

философия все же должна «вернуться в храм, к священной своей функции, и найти там потерянный реализм, снова получить там посвящение в тайны жизни» [2, с. 20].

Проблему, перед которой оказалось философское сообщество, Н. Бердяев видел вовсе не в том, что философия не должна была быть автономной и свободной, но в том, что она должна осознать необходимость религиозной основы во всей полноте духовной и, в частности, религиозного опыта. Религия, по его мнению, вполне способна обойтись без философии, ведь источники ее – абсолютные и самодостаточные, а вот философия – наоборот, не может обойтись без религии, поскольку «религия нужна ей как еда, как источник живой воды. Религия является жизненной основой философии, религия питает философию реальным бытием» [2, с. 20].

Н. Бердяев был абсолютно убежден в том, что только христианская метафизика утверждает реальность бытия и реальность путей к бытию, что только она «постигает великую тайну свободы, ни на что не раскладываемую, и ни к чему не сводимую», что только она признает субстанцию конкретной личности, заложенную в вечности. Только в мистическом Гнозисе христианства, писал он в «Философии свободы», все это дано и нигде больше. И только христианский гнозис приводит к трансцендентному реализму, к конкретному персонализму, и к философии свободы. Последняя же, и, прежде всего, именно она и есть «душой христианской философии», и тем, что «не предоставляется никакой другой, абстрактной и рационалистической философии» [2, с. 22].

Положив религию в основу любой поистине нужной человеку философии, а самого человека и его свободу в основу этой философии, Н. Бердяев сделал отчаянную попытку указать людям и на ту главную ошибку, которую они предположили в историческом процессе развития европейской цивилизации, ошибка, по его мнению, привела к тому, что «прославленная научная добросовестность, научная скромность, научное самоограничение нашего времени часто бывает лишь прикрытием слабости, нерешительности, безволия в вере, в любви, нерешительности избрания. Слишком много светских приличий и условностей, прикрывает внутреннюю пустоту. Нет ничего как сущности жизни, и поэтому считается неприличным говорить только о чем-то, допускают только общеобязательную науку, о чем-то в области безвольного, безлюбивого скептицизма, в области расслабленного безверия» [2, с. 15].

Анализ философских и мировоззренческих основ учения Н. Бердяева позволяет сделать вывод о том, что оно совершенствовалось на протяжении всего периода деятельности, и обуславливалось, прежде всего, специфической личной мировоззренческой позицией, психологической и психоэмоциональной надстройкой автора на кардинальное сопротивление и отсутствие каких-либо компромиссов с фактами несправедливости, порабощением социального угнетения, несвободы и абстрактным теоретизированием, что скрывается за рационалистическими наукообразными философскими теориями познания и катафатичной теологией космоморфизма и социоморфизма традиционного христианства. Такая позиция впоследствии способствовала и своеобразному чувству, и восприятию Н. Бердяевым христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев; вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Вадимов. – М. : Книга, 1991. – 446 с. – Комм.: с. 409–432. – Указ. имен: с. 433–444. – с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Бердяев Н. А.; – Сварог и К – М.: Сварог и К, 1997. – 415 с.
3. Вдовина, И. Персонализм. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2009. – 392 с.
4. Сербиненко, В. В. Новая философская энциклопедия. Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1 – 744 с. /Т. 2 – 634 с. /Т. 3 – 692с. /Т. 4 – 736 с.
5. Шевченко, С. Л. Християнська теологія та екзистенціалізм: монографія / С.Л. Шевченко. – К.: Інститут філософії імені Г. С. Сковороди НАН. України, 2016. – 440 с.